

УДК 821.161.1

Н.А. ЛИТВИНЕНКО,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежных литератур
Московского государственного областного университета (Российская Федерация)*

БУДДИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

Разнообразие модернистских исканий, развертывающихся в пространстве символизма, обращение к эзотерическому знанию и мотивам свидетельствовало об актуальности пересмотра реалистических традиций, в русле которых русская литература завоевала мировую известность. Процесс модернистских поисков в русской литературе рубежа XIX–XX вв. развертывался в соответствии и во взаимодействии с общеевропейским опытом, взгляд не только зарубежных, но и русских писателей начала века был обращен в том числе на Восток. В ряду этих экскурсов раннего С.Н. Сергеева-Ценского – и «Авадана. Буддийская легенда».

Ключевые слова: буддизм, Восток, модернизм, переходность, христианская парадигма, легенда.

Наследие Сергеева-Ценского, чье творчество занимало и занимает вполне солидное место в истории советской литературы как автора стихов, критических статей, рассказов, романов, эпического цикла «Преображение России» (1914–1958), все еще недостаточно исследовано. В советскую эпоху раннее творчество писателя выпадало из магистрального направления изучения литературы 1900-х гг., когда с традициями чеховской, гоголевской, толстовской прозы взаимодействовали модернистские искания. В то же время надо уточнить: в последние годы было защищено несколько диссертаций [1; 2]. Что же касается буддийской поэмы писателя, так она по-прежнему остается в стороне от исследовательского внимания¹. В числе немногих исключений – статья ученого, посвятившего себя изучению буддийских традиций в литературе XIX–XX вв., – Г.А. Сорокиной. Она пишет: «В это время темы, мотивы и образы Востока уже прочно вошли в русскую литературу. Достаточно вспомнить произведения С. Надсона, Д. Мережковского, К. Бальмонта. Отдали дань буддийской тематике поэты Д. Цертелев, К.Р. (Константин Романов), П. Бутурлин и многие другие» [3].

Начало XX ст. диктовало новые запросы и ожидания, в творчество писателей проникала психологическая фантастика, поэтика ужасного в духе Кафки, новые идеи и концепции личности, человека и «сверхчеловека», ангажированность сочеталась с отстраненностью в подходе к нравственным проблемам, углубился интерес к эзотерике, к восточной философской мысли – к Востоку.

В широком смысле прав М. Бахтин, который полагал, что вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» [4, с. 265]. Однако в начале XX в., как часто на рубеже веков и в перспективе будущего, переходность была связана с предощущением надвигающихся перемен и катастроф, с поиском новых путей постижения мира. «Переход предполагает состояния “пограничья”, хаоса и порядка, хаоти-

---

¹ Ее не включили в 12-томное собрание сочинений писателя (10 тт. – 1955, 12 тт. – 1967).

ческое состояние и вариативные поиски, большие скачки – бифуркации, “точки перелома”». Переход – особое состояние на уровне межсистемного движения как сочетание хаоса и конструирования. «Интегративность – главное свойство», – пишет современный исследователь [5, с. 77]. Однако поиски этой интегративности осуществлялись на разных путях, отчасти были связаны с обращением к опыту восточной философии и восточных культур.

Кризисную переходность модернистских исканий запечатлел ранний роман С. Сергеева-Ценского «Бабаев», который был напечатан в 1906–1907 гг. в «Русской мысли». Одна из глав – «Мертвецкая» – представляла жизненную реальность как пространство мертвого, мнимо живого начала. В советских переизданиях романа эта глава не печаталась.

Критики обоснованно увидели в романе проявление декаданса, а в таких главах, как «Мертвецкая», – близость к Федору Сологубу. В главе «Пьяный курган» крестьянское движение 1905 г. представлено «в виде бессмысленного бунта». В финале с начальником карательного отряда случился истерический припадок и один из высеченных – огромный мужик обхватил его (начальника) бережно руками, смотрел на него с участливым испугом и дышал ему в мокрое лицо едким: «Барин! Голубь наш сизый! Убивается как... Ничего! Слышь ты, ничего! Мы стерпим...». Публицист и критик Дм. Философов в огромном мужике увидел весь русский народ [6, с. 602].

К. Чуковский считал, что «Мертвецкая», «столь типичная для нашей эпохи», нетипична для «искреннего, наивного и прекрасного талант» Сергеева-Ценского, автора «Лесной топи», «шумящей лесным шорохом, таящей диких лесных людей, с лесными душами и лесной судьбою, полной дремучей, ароматной, тенистой, молчаливой, как лес, поэзии» [7].

К. Чуковский видит в «Бабаеве» проявление более широкой и знаменательной тенденции: приобщение писателя к «мозаичному времени», к захватившему всех «каторотко-мыслию» – отсутствию глубоких фундаментальных идей, когда «забота художника о каждом данном моменте творчества убила заботу о целом», когда «слово, – маленькое, отдельное, служебное слово художника, – зазналось, выпятилось на первый план, возомнило себя божеством и забунтовало» [7]. Критик не находит в картине современных исканий глубоких новых идей: «Стараются притвориться фанатиками, фанатиками чего угодно, – ну хоть революции, хоть индивидуализма соборного, хоть мистического анархизма, – и вот уже Бердяев (в июньской «Русской Мысли») видит в современном искусстве, кроме парнасского, еще и теургическое, претворившее слово в плоть. Вот уже Блок говорит, что г. Борис Зайцев что-то знает такое, чего не знает г. Ценский. Вот уже Вячеслав Иванов пишет с изыщной иронией, что среди декадентов родилось искусство для жизни... Вот уже «Золотое Руно» уверяет, что ему ведомы какие-то «новые задачи» художественного творчества, которые недоступны таким косным людям, как Валерий Брюсов, – и так далее, все в том же направлении...» [7].

Разнообразие модернистских исканий, развертывающихся в пространстве символизма, обращение к эзотерическому знанию и мотивам свидетельствовало об актуальности пересмотра реалистических традиций, в русле которых русская литература завоевала мировую известность. Процесс модернистских поисков в русской литературе рубежа веков развертывался в соответствии и во взаимодействии с общеевропейским опытом, взгляд не только зарубежных писателей начала века был обращен в том числе на Восток. В ряду этих экскурсов раннего Сергеева-Ценского – и буддийская легенда.

«Авадана. Буддийская легенда» была опубликована в литературном приложении к журналу «Нива» за 1911 г. [8]. Изначально, по жанровой проблематике, она принадлежит канонической литературе буддизма, повествующей о прежних рождениях Будды Гаутамы, в то же время в ней нашли отзвук актуальные для переломной эпохи тенденции и идеи.

«Это было в те святые годы, когда Возвышенный, Будда, Готама жил среди людей, как человек» [9]². Действие поэмы мифологично и в то же время историзировано, отсылка к Будде создает установку на подлинность сказания. Но это иллюзия, формируемый художественный миф. Писатель поначалу строит легенду в традициях героического эпоса, героических легенд. Его Авадана принадлежит к высшей жреческой касте, он как герой по су-

² Далее текст поэмы цитирую по этому изданию, слегка обновив орфографию.

ществу идеален: наделен «крепостью тела и крепостью духа, прочной силой, ясным умом и твердой волей». Истоки его знания уходят в глубь веков. Он «постиг всю мудрость дней минувших, изучил все древние сказанья, Древние, как мир, изъ века бывший, – Но ни в чемъ не могъ найти отрады. И нигде не мог найти покоя». Его жажда самоутверждения вырастает из желания быть самым лучшим, утвердиться в своем абсолютной превосходстве над окружающим людским миром. В этом на буддийской основе преломляется характерная для христианской парадигмы традиция европейского этического и эстетического сознания – жажда совершенства, но в самой этой жажде нет соотнесенности с высшей духовной сферой, свойственной христианскому сознанию, нет конфликта с «другими» или «другим», или с самим собой, нет устремленности к подвигу во имя высшего и общего блага.

Герой поэмы исходит из того, к чему пришла европейская культура, испытывавшая искусство модернизма, – к ощущению и сознанию героем своего превосходства над людьми и миром. Уже не как речь повествователя, а как внутренняя речь героя звучат слова: «Я ученейший из браминов, Я постиг всю мудрость дней минувших, Изучил все древние сказанья, Я могу воздвигнуть храм духовный, Но могу ль создать я храм из камня?» Недаром так настойчиво звучит местоимение «я». В этом вопросе заложена проблема, в которую с тревогой и надеждой на протяжении ряда эпох всматривается европейская культура, – соотношения индивида и масс, высоких устремлений – и земной практики, «игры в бисер» – и служения, смысла жизни – и предназначения человека.

Эволюция героя построена на «обратном» движении – от социального и психологического ощущения превосходства к материально-конкретному утверждению себя, этого превосходства в «реальном» мире. Писатель подчеркивает контраст роскошных одежд – и голых рабочих, работающих под жарким солнцем. Эпический герой всегда подвержен испытаниям. И здесь эти испытания не содержат ничего фантастического, ничего волшебного, они сугубо конкретные, даже обыденные, земные. И добродетели, которые проявляет герой, тоже обыденные, – это смирение, герой «искусству мудрому учился, брань сносил без огорченья». Но обыденное только подчеркивает исключительность героя, принадлежавшего к высшей жреческой касте. В буддизме, как и в христианстве, заложен идеал внекастовости, универсальности этических норм жизни. Это находит отражение в поэме.

Писатель делает доминантным признаком героя индивидуалистический мотив, типологически близкий многим персонажам рубежной эпохи, – утверждения своего превосходства, своей гордыни, исключительности. Этот мотив в том или ином виде, в потексте соприкасается с ницшеанской идеей человека как проекта будущего. «Чемъ сильнея гремели в толпе имена лучших борцов, стрелков, скороходов, тем сильнея, как пламя, разгоралось в нем желанье хищное победы». Эпитет «хищный» выводит Авадану за пределы условно-человеческого мира в пространство онтологии – жизни как таковой. Максимализм героя отдаленно переключается с романтическим, но в интерпретации писателя, в духе буддийской легенды, он сугубо материален и конкретен. «И из года в год брамин скитался; Был гребцом, был поваром искусным, Сталь ковал он молотом кузнечным, Укрощал коней, играл на лютне, И стоял за ткацкими станками, И гранил алмазами алмазы, И охотился на тигров джунглей...». Сам перечень видов деятельности героя, в сочетании с поэтической интонацией, создает широкое эпическое пространство легенды-поэмы. И все-таки, при всей поэтической размеренности эпического рисунка ключевым в процитированном фрагменте остается слово «хищный» – «желанье хищное победы». Эпитет выражает доминантный признак, характеризующий героя, жажду заслуженной победы, но не обремененную этической, нравственной рефлексией; присущую герою, скрываемую за всеми деяниями жажду славы. Он ведь изначально страдал от неудовлетворенности – и характерного в том числе для героев-романтиков, – не найденного покоя. В поэме Сергеева-Ценского эта категория сместила, изменила свою семантику.

Мотив покоя неоднократно повторяется. Он звучит в самом начале легенды: все дал великий Брама Авадане – «не дал ему такую малость... покоя». «И нигде не мог найти покоя». Семантика слова раздваивается, умножается, в сознании европейского читателя обретает некую неопределенность. В традиции романтизма покой тождественен небытию – «забыться и уснуть», романтический герой стремится к нему как к недостижимому абсолюту – «как будто в буре есть покой».

Покой в модернистском сознании – категория состояния, не эстетизируемая, едва ли приобретающая статус концепта. Для рубежного сознания характерно предчувствие близящихся катастроф. А. Блок в стихотворении «На поле Куликовом» (1908) пишет: «Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами / Степную даль. / В степном дыму блеснет святое знамя / И ханской сабли сталь.../ И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль ... / Летит, летит степная кобылица / И мнет ковыль...». По-прежнему недостижимый, покой противопоставлен динамике надвигающихся исторических катастроф, органично звучит призыв к буре или «грядущим гуннам, что тучей нависли над миром».

Сергеев-Ценский в легенде использует понятие покоя в контексте другой ценностной системы. Понятие покоя в буддизме соотносится с категорией нирваны, трактовке которой посвящены многочисленные труды ученых, принадлежащих к разным ответвлениям буддизма. Ответ на вопрос о семантике покоя связан в легенде с конечной точкой эволюции героя – его встречей с Буддой и принятием новой веры.

Фигура Будды окружена сакральным ореолом – писатель наделяет старца «глубоким, знающим взором», «силой и сиянием вокруг головы». В уста Будды он вкладывает философские мысли о быстротечности и тщетности всего земного, о человеке, «как куске глины», из которого судьба-горшечник лепит «какой хочешь сосуд на кругу печали». Обращаясь к Авадане, Будда говорит о столь болезненной для сознания человека рубежа XIX–XX вв. неумемной гордыне, о «кричащих» в человеке тысячах желаний: «Не раб ли? Не раб ли ты желаний своих?».

Концепция героя, его мироощущение онтологизированы – представлены обобщенно, вне социальных аспектов бытия, которые были обозначены в начале легенды. Ряд риторических вопросов, обращенных к герою: «Течет жизнь, – в чем ее постоянство?», «Не раб ли ты?», «Не в пустоте ли видел ты убежище от бурь?», «Не враг ли ты самому себе...?» – придают наставлению Будды аксиоматическую семантику. Писатель употребляет слова в непривычном смысле, когда говорит о «святой истине скорби» как сущности жизни человека – его рождения, старости, болезни и желаний: «Всякое желание скорбно, потому что, едва утоленное, оно возникает вновь».

В легенде противопоставлено внешнее и внутреннее в жизни человека как ложное и истинное: «Тот, кто внутри, не задушен ли он наружным тобой, о, Авадана? Строитель храмов или гранильщик алмазовъ, или кузнец, или ткач, или охотник на диких зверей, или слоновожатый, или плотник, или игрок на лютне, – кто ты, Авадана? Откуда глядят твои глаза, только твои, а не тех, которые тебя видят? Не чужими ли глазами смотрел ты всю жизнь, и что такое гордость на виду у других, как не потеря себя самого, – скажи, Авадана?». Риторически звучащие обращения, троекратные повторы выполняют суггестивную функцию: «Истина въ той стране, где ты еще не был, въ той стране, которой ты не искалъ, въ той стране, въ которую не стремился». И как вывод, логически замыкая сюжетную коллизию, старец формирует обратный ценностный вектор – от одного к другому «я» героя: «В тебе самомъ истина, о, Авадана!». Как и в христианстве, истина жизни – это истина скорби, в поэме «святая истина скорби – старости, рождения, отвержения, желания» – «едва утоленное, оно возникает вновь». Открывшееся «око старца», истина нового пути содержит перечень, удваивающий ранее неизменно используемые тройственные повторы – «оставление, отвержение, бесстрастность, незлобие, созерцание, свобода мысли». Этот итог звучит как антитеза всей пройденной героем жизни, всем видам его мнимого успеха, как сакральная истина, уходящая в глубины веков мудрость, тяготеет к мифологизированной полисемантической центральной категории буддизма – нирваны.

Легенда не обещает человеку мученического венца, не обещает возвышенной надежды, но некое новое мироощущение, состояние, миропонимание, примиряющее его с самим собой и миром.

В соответствии с традициями буддийской легенды кульминация легенды-поэмы – не в подвиге-сражении, не в смерти во имя племени, рода, «милрой Франции», а в подвиге мысли, в подвиге осознанного нового понимания жизни, себя в ней.

Кульминация строится на контрасте: герой вознесен – и повержен, это логика не героического эпоса, а житийной, притчевой литературы. «И был час этотъ часом великаго торжества Аваданы. Отшумела большая половина жизни, как горный поток, какъ пройден-

ный горный подъем, отошла вниз большая половина жизни, но крепок еще, как юноша, был Авадана, и где же равный ему? Стоял он перед народом, как взрослый в толпе детей, с улыбкой, сытой, гордой, великодушной, – улыбкой техъ, которымъ нет на земле подобных, и былъ этотъ часъ часом великаго довольства Аваданы».

Иллюзорное величие опровергнуто старцем «в одеянии нищего монаха». Истина в его устах – это философско-поэтическое откровение: «Говорил старик так тихо-тихо, Точно листья лотоса при Ветре над водою слабо шелестели». В поэме Сергеева-Ценского прозаический текст перемежается стихотворными строфами, в которых поэтическая стилистика обобщает, подытоживает, укрупняет мысль, вносит торжественность и величие в используемый дискурс, выражает скрыто или открыто оценочную позицию повествователя.

Будда в поэме – фигура земная и в то же время сакральная³. «Изумленный, смотрел на старца Авадана: – глубокий, знающий взор и новая, невиданная им еще, сила и сияние вокруг головы». Новая философско-этическая концепция представлена с использованием приема ретардации, усиливающего эффект откровения: «Истина въ той стране, где ты еще не был, въ той стране, которой ты не искал, въ той стране, в которую не стремился: глубоко въ тебе самом истина, о, Авадана!». Сила и глубина откровения передана через реакцию, поведение героя: «И воскликнул, падая на колени передъ святым, гордый Авадана, равнаго которому не было среди людей». Автор поэмы превращает гордого Авадану – сразу, в следующий миг, без каких бы то ни было комментариев – в смиренного монаха, в грубой нищей одежде последовавшего за старцем. Не жертвенность и жертва, – но смирение и новое знание побеждает. Риторический притчевый дискурс не требует дополнительной аргументации.

В образе Аваданы модернистская позиция нравственного релятивизма, самоустранения автора, передача своего голоса повествователю, сочетается с критикой концепции героя, несущего следы романтической исключительности и нищенски окрашенного сверхчеловека. Но в завершение сюжета герой будет вписан в оценочную позицию повествователя, совпадающую с проповедью старца. В основе – прославление новой правды, отказа от своей исключительности, от жажды превосходства, от всего мнимого и преходящего. Но сущность того нового, что утверждает поэма, только обозначена, но не раскрыта.

Понятие нирваны не упомянуто, но близкие, сопрягающиеся с ним понятия выстраивают комплекс идей, противопоставляющих мораль «мирскую и популярную» высшей морали. В.А. Кожевников пишет об отказе самого Готамы дать точные определения нирваны [10].

Одна из центральных категорий буддизма, нирвана, по-разному интерпретируется на разных этапах развития философской мысли. В ней видят уход от обычных человеческих ценностей (благо, добро), от цели вообще и установление своих ценностей; с внутренней стороны – это ощущение покоя (блаженства – в отличие от счастья, *как ощущения движения*), с внешней – состояние абсолютной независимости, свободы, означающей в буддизме не преодоление мира, а его снятие [11].

Восхождение героя в поэме – это постепенное, ступенчатое накопление отрицательного опыта, заблуждений. В христианской парадигме по традициям жития оно означало бы переход от греховной, профанной жизни к истине и святости. В буддийской поэме речь идет о восхождении через заблуждения и ошибки к мудрости – как принципу жизнеосуществления, не столь явно окрашенному сакральностью. В основе этого процесса – эволюция, приближающая к живому Богу – Будде и монашеству, следованию за ним. В интерпретации Сергеева-Ценского это эволюция от земных тщеславных заблуждений – славы, гордости и гордыни к высшему смыслу бытия. Оно утверждается как истинное, – в рамках той эстетической парадигмы, которая воплощена.

Очевидно, для Сергеева-Ценского, как и для многих деятелей литературы этого периода, нирвана, идеи буддизма выступают прежде всего как попытка по-новому взглянуть

³ Отдельная тема: Буддизм и христианство. См.: Келлог С.Г. Буддизм и христианство: Сравнение легендарной истории и учения Будды с евангельской историей и учением нашего Господа И. Христа / С.Г. Келлог; / пер. с англ. под ред. Ф.С. Орнатского. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. – 306 с.

ся в «психологическое состояние внутреннего бытия» человека, пройти через искус ино-го, нехристианского опыта и знания. По-видимому, в эпоху ценностного релятивизма, о ко-тором писали современники, предчувствия катастрофических перемен незлобие, свобода мысли, отказ от индивидуализма, – звучали актуально. Актуальной оставалась необходи-мость тотальной переоценки ценностей, господствующих в мире. Этот процесс затрагивал и русскую, и зарубежную литературу, не только создателя «Аваданы», но гораздо глубже – автора «Сиддхартхи» (1922).

Отрицаемое в традициях отечественной, европейской культуры в поэме Сергеева-Ценского представлено убедительно и ярко, а то, что противопоставлено ему, содержит только вектор пути, по существу чуждый русской культуре, всегда взволнованно всматри-вавшейся в проблему ответственности человека не только за себя, но и «других».

Список использованных источников

1. Буркина О.А. Эволюция концепции человека в прозе С.Н. Сергеева-Ценского первой трети XIX века: дисс. ... канд. филол. наук / О.А. Буркина. – Тамбов, 2002. – 211 с.
2. Поддячая Н.А. Жанровое своеобразие прозы С.Н. Сергеева-Ценского 1900–1920-х годов: дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Поддячая.. – Тамбов, 2006. – 180 с.
3. Сорокина Г.А. Буддизм в европейской культуре первой трети XX века / Г.А. Сороки-на. – М.: РАГС, 2008. – 195 с.
4. Бахтин М.М. К эстетике слова / М.М. Бахтин // Контекст. – 1973. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1974. – 418 с.
5. Сайко Э.В. Переход как феномен социальной эволюции (хаос и конструктивные ха-рактеристики) / Э.В. Сайко // Искусство и наука об искусстве в переходные периоды исто-рии культуры. – М.: Государственный институт искусствознания, 2000. – С. 70–93.
6. Касторский С.В. Гусев-Оренбургский, Елеонский, Чириков, Скиталец, Муйжель, Те-лешов, Сергеев-Ценский / С.В. Касторский // История русской литературы: в 10 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941–1956. – Т. 10. – С. 574–606.
7. Чуковский К. О Сергееве-Ценском [Электронный ресурс] / К. Чуковский // Род-ная земля. – 1907. – 5 (18) февраля. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=78 (Последнее обращение 01.11.2016).
8. Сергеев-Ценский С.Н. Авадана. Буддийская легенда / С.Н. Сергеев-Ценский // Еже-месячные литературные и популярно-научные приложения к журналу Нива на 1911 год. – СПб.: Издательство Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. – Т. 1. – 351 с.
9. Сергеев-Ценский С.Н. Авадана. Буддийская легенда [Электронный ресурс] / С.Н. Сергеев-Ценский. – Режим доступа: <http://biwibi.ru/d/713433/d/avadana.pdf> (Послед-нее обращение 01.11.2016).
10. Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством: Жизнь и легенда Будды. Община учеников Будды, санга / В.А. Кожевников. – Петроград: Типография М. Меркуше-ва. – 1916. – Т. 2. – 787 с.
11. Нирвана [Электронный ресурс] // Философский энциклопедический словарь; под-ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/825/НИРВАНА (По-следнее обращение 01.11.2016).

References

1. Burkina, O.A. *Jevoljucija koncepcii cheloveka v proze S.N. Sergeeva-Censkogo per-voj treti XIX veka*. Diss. kand. filol. nauk [Evolution of the person concept in S.N. Sergeev-Tsensky's prose of first third of the XIX century. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2002, 211 p.
2. Poddjachaja, N.A. *ZhanrovoesvoeobrazieprozyS.N. Sergeeva-Censkogo1900-1920-hgodov*. Diss. kand. filol. nauk [Genre originality of S.N. Sergeev-Tsensky's prose in 1900-1920-x years. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2006, 180 p.
3. Sorokina, G.A. *Buddizm v evropejskoj kul'ture pervoj treti XX veka* [The Buddhism in the European culture in first third of the XXth century]. Moscow, RAGS Publ., 2008, 195 p.

4. Bakhtin, M.M. *K jestetike slova* [To an aesthetics of a word]. *Kontekst - 1973. Literatur-no-teoreticheskie issledovanija* [The Context - 1973. Literary-theoretical researches.]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 418 p.

5. Sajko, E.V. *Perehod kak fenomen social'noj jevoljucii (haos i konstruktivnye karakteristiki)* [Transition as a phenomenon of social evolution (chaos and constructive characteristics)]. *Iskusstvo i nauka ob iskusstve v perehodnye periody istorii kul'tury* [Art and a science about art in transition periods of history of culture]. Moscow, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya Publ., 2000, pp. 70-93.

6. Kastorskij, S.V. *Gusev-Orenburgskij, Eleonskij, Chirikov, Skitalec, Mujzhel', Teleshov, Sergeev-Censkij* [Gusev-Orenburgsky, Yeleonsky, Chirikov, the Wanderer, Mujzhel, Teleshov, Sergeev-Tsensky]. *Istorija russkoj literatury: v 10 t.* [History of the Russian literature: in 10 vol.]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1941-1956, vol. 10, pp. 574-606.

7. Chukovskij, K. *O Sergeeve-Censkom* [About Sergeev-Tsensky]. *Rodnaja zemlja* [The Native ground], 1907, 5 (18) of February. Available at: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=78 (Accessed 01.11.2016).

8. Sergeev-Censkij, S.N. *Avadana. Buddijskaja legenda* [Avadana. A Buddhist legend]. *Ezhe-mesjachnye literaturnye i populjarno-nauchnye prilozhenija k zhurnalu Niva na 1911 god* [Monthly literary and is popular-scientific appendices to magazine Niva for 1911]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo T-va A.F. Marks Publ., 1911, vol. 1, 351 p.

9. Sergeev-Censkij, S.N. *Avadana. Buddijskaja legenda* [Avadana. A Buddhist legend]. Available at: <http://biwibi.ru/d/713433/d/avadana.pdf> (Accessed 01.11.2016).

10. Kozhevnikov, V.A. *Buddizm v sravnenii s hristianstvom: Zhizn' i legenda Buddy. Obshhina uchenikov Buddy, sanga* [The Buddhism in comparison with christianity: the Life and a legend of the Buddha. A community of disciples of the Buddha, sanga]. Petrograd, Tipografija M. Merku-sheva Publ., 1916, vol. 2, 787 p.

11. *Nirvana* [Nirvana]. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [The Philosophical encyclopaedic dictionary]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/825/НИРВАНА (Accessed 01.11.2016).

Розмаїття модерністських пошуків, що розгорталися у просторі символізму, звернення до езо-теричного знання та мотивів свідчило про актуальність перегляду реалістичних традицій, в руслі яких російська література набула світової популярності. Процес модерністських пошуків у російській літературі на зламі ХІХ–ХХ ст. розгортався відповідно та у взаємодії із загальноєвропейським досвідом, погляд не тільки зарубіжних, але й російських письменників початку століть був звернений у тому числі на Схід. Серед цих екскурсів раннього С.М. Сергеева-Ценського – і «Авадана. Буддійська легенда».

Ключові слова: буддизм, Схід, модернізм, перехідність, християнська парадигма, легенда.

A variety of the modernist searches developed in space of symbolism, the reference to esoteric knowledge and motives testified to a urgency of realistic traditions review in a vein of which the Russian Literature has won world popularity. Process of modernist searches in the Russian Literature of boundary XIX–XX centuries was developed in conformity and in cooperation with the all-European experience, a sight not only foreign, but also Russian writers of the beginning of a century has been turned on the East. In a number of these retrospective journeys of early S.N. Sergeev-Tsensky – «Avadana. A Buddhist legend ».

Key words: the Buddhism, the East, a modernism, transitivity, a Christian paradigm, a legend.

Одержано 7.11.2016.